

Шар Иванныч

Лами Данибур

Лами Данибур Шар Иваныч

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68824482

SelfPub; 2023

Аннотация

Никогда, слышите! Никогда не меняйте свободу на уютную и сытую жизнь!Исповедь бродячего пса.

Лами Данибур

Шар Иваныч

– Всё, стая, отлаялся! Носом чую, сдохну к утру! – беспородный пёс свернулся калачиком, поджав хвост. – Следуйте теперь за Психом, с ним не соскучишься!

– Подожди, друг! Может, отлежишься ещё? Сколько раз смотрел смерти в глаза?

– Много! Этот последний! Шкурой клянусь! Не унюхал отравы – получи пену у рта! Силы не те, что в первые вёсны!

– Дедушка Цыган, а кто ж нас учить будет?

– Да никто! Живите сами! Вот сейчас всё выдам как на духу, а дальше свобода выбора! Ведь меня ж никто не учил, кроме жизни, вот и тёрлись друг о дружку девять зим!

– Целых девять? Тут одну зиму пережить – уже учёный, а девять – вожак!

– Мы тебя не забудем! И кутятам твои истории пригодятся!

– Я и сам когда-то был кутёнком.

– Цыган, расскажи! Расскажи, как ты смог прожить так долго на воле и не умереть от голода и тоски?

– Я ж почти породистый! Мать лайка, отец дворянин, так люди говорили. Родился в подвале на мокром бетоне. Мамка сбежала от хозяев, чтобы выводок не утопили. А потом вернулась к своим, а нас оставила. Братьев-сестёр люди раста-

щили, а я не приглянулся. Кормить кормили, а к себе не брали. Протянут руки, я улыбнусь в ответ, а они давай пятиться.

Электрик в аварию провода чинил да пил со слесарями. А они ему:

– Возьми щенка! Один остался. У тебя семья, дом! Будет сторожить!

Вот он после пятой рюмки и поднял меня на руки. Гладил по голове. Я уж тогда подластился в ответ. А утром погрузили его и меня в машину и отвезли домой. Гляжу дикарём по сторонам, а небо-то голубое, солнце яркое! Надо же!

Вот калитку он открыл, до крыльца дошёл, да и упал поленом храпеть на всю улицу, а я под крыльцом схоронился. Прижух и сижу, в щелку за солнышком наблюдаю.

К вечеру жена с работы пришла. Разбудила кормильца, отправила досыпать в дом.

Я вылез, улыбнулся, а её передёрнуло, пришлось обратно под крыльцо.

Проспался хозяин, ругались, ругались, жена ему:

– Уматывай! И блохастого забирай!

А мужик вдруг:

– Где моя собака? Пусть живёт, дом охраняет!

– Иди погляди, как этот уродец зубы скалит. Всех распугал!

Полез под крыльцо, увидел меня, почесал затылок:

– Что ж его – выкидывать теперь? Пусть себе улыбается!

Живи, Шарик! Живи!

Так и пригрелся я. Подрос. Попривыкли домашние. Будочка от прежней Жучки мне отошла. Кормёжка стабильная. Цепь прочная. Живи – не хочу!

Зажрался! Недоеденный суп стал в землю зарывать про запас, а кости в будке ныкать под настил.

Первую свою зиму отсидел. Холодно, скучно! С мышами да крысами сдружился.

А весной запахи! Хоть волком вой, как на волю хочется! За забором собаки лают, а я как дурень в будке. В одну такую ночь не вытерпел, стащил с себя ошейник (оказалось, шея-то моя тонкая, просто шерсти валом) да и побежал прочь прямиком на собачью свадьбу! Эх, хорошо! Воля! А сучка какая знатная была! Так бы и занюхал! Месяц гулял! Жрать охота, а гулять ещё больше! Тут-там перебыюсь и дальше бегать.

Дочка хозяйская Настька мимо проходила, меня узнала. Говорит:

– Шарик, ты? Живой, зубоскал! А мы собрались овчарку покупать!

Сказала, да и пошла прочь. А мне обидно стало.

«Какую овчарку? – думаю, да ещё и в будку мою! Не позволю!»

Разлаялся я тогда на всю улицу:

– Я здесь хозяин! Я! Никаких овчарок!

Злой был в тот день, поцапался с друзьями, да к вечеру домой прибёг. Залез в будку, как и был там, сижу, жду!

Наташка-жена утром вышла во двор и обомлела.

– Вот он я! Сижу, улыбаюсь! Ждали? Рады небось? – гавкнул ей приветственно.

– Сашк! Гляди-ка! Шарик вернулся! Сам в будку залез! Вот хитрый пёс!

– О, Шар Иваныч! Какими судьбами? Нагулялся?

– Пап, а овчарка?

– Что ж, его выгонять теперь? Пусть живёт!

Неделю продержался, страсть как боялся овчарки этой. А потом накрыло. Лето же! Жизнь вокруг! Вот и повадился. Уйду – приду! Всё чаще и чаще!

Уговорили дети отца. Купил он им овчарку. А меня обозвал гулякой, да и отдал знакомому на особое предприятие, которое за лесом следило. На работу, в общем, приняли. Сторожем главным стал! Территория в собственность и молсы кучкой зубы точить – благодать! Сколотил тогда свою первую банду! Вот псы были! Побегали мы в тот год! И в питомнике, и с дедом Гошей транспорт охраняли. Город как свои четыре лапы знал! Правила дорожного движения изучил. Без этого никак, цуцики, не проживёшь среди людей! Не знаешь правил – ждёт тебя собачья смерть! Так что учите!

– Хорошо, дедушка, хорошо! А потом, что было?

А потом весна! Влюбился как щенок! Работу бросил! Ушёл в загул! Уволили! И связи утерял. Попередохли те псы. Кто от голода, кто в собачью рулетку проиграл, кого бойцовские порвали. Полаять не с кем! Сел тогда на электричку, прикинулся, что бабкин пёс, да и подался в город к помой-

кам пошире.

– Как на электричку? Сам? И не выгнали?

– Так уметь надо! Я сначала повадился на автобусах кататься. Пристроюсь к кому-нибудь на остановке, вместе с ним зайду, сяду в углу, чтоб не мешаться, а когда кондукторша вопрошать начнёт, мол, чья собака, улыбнусь ей, посмотрю в глаза, и обходит она меня стороной, пугается. Если баба буйная и шуметь станет, сойду на ближайшей остановке, да и по делам бежать.

В большом городе не сразу приняли, но, опять же при-смотрелся, притёрся, нашёл себе место. Работёнку на рынке заимел, всё чин чинарём. На пустыре шишку держал, все шавки с поджатыми хвостами обходили мои владения. Расслабился! Силу свою почуял, вот и полетело всё к чертям собачьим!

– Это как?

– Да вот так! Забыл, что в городе люди – боги, а не собаки!

Как-то раз бегу с друзьями, глядь, дети по нашему пустырю на великах катаются. Вот думаю, лысые шкуры! Без спроса да по моему излюбленному месту колесить! Порву!

Схватил за штанину самого маленького, тот упал на землю, да погрызли мы ему бока, пока мужики нас палками не отделали. Пришлось когти рвать! Больше часу петлял! Думал, пронесло! Ан нет! Дураков учить надо!

– Научили?

– Научили, Жук, научили! Потравили нас, а кто выжил, в

живодёрню эту, как её? Ветеринарку. Ухо прокололи, повесили серьгу и на передержку.

Я там с Рыжей познакомился! Сука моя самая любимая! Ох, и дура была!

Отсидел своё. Как отпустили, подальше убёг в спальный район, и Рыжая со мной. Сначала с бабками пытался сдружиться. Тяжело давалось. Боялись они меня. А вот Рыжая умела в глаза заглянуть так, чтобы достать до дна. Ходили побирались.

Бабки нас цыганами и прозвали. Хорошо было с Рыжей моей! Весело! Котов нагих рвали да в собачью рулетку каждый день играли. Любили под колёса выбегать и лаять, пугая водителей. Слаженно получалось.

А сдохла по глупости. Дорогу-то она переходить умела, а во дворах забывалась и носилась, как угорелая, вот и попала под колёса. Хорошо сразу отошла, даже заскулить не успела. Я психанул, гонялся как ошалелый, на людей кидался, опять в приют загремел, повезло, хоть не пристрелили! Там в соседней клетке щенок-сосунок сидел. Как на меня похож! Опекал его:

– Не бойсь, Лайчонок! Не пропадёшь! Жизнь только начинается!

А он смотрит глазками-бусинками и зубами стучит.

Бывало, человеки приезжали. По кругу ходят, в клетки заглядывают, ищут! Мимо меня, конечно, кому нужен старый зубоскал! А вот однажды тётка с красным хохолком увидела

маленького Гавкалку и:

– Ох, Мишаня, гляди-ка, наш! Забираем!

– Ну, – думаю, – в ошейнике родился! Повезло! Будет в квартирах корма жевать да на газоны мочиться.

Эта тётка с хозяйкой приюта снюхалась, частенько навещала. Чё-та вечно там привозила-отвозила. Вот я и разнюхал, где обитает мой дружок. Через год повадился к ним во двор приходить и умирающим прикидываться. Весь квадрат меня кормил. И эта с хохолком тоже. Важная такая! Както раз вывела Гавкалку и закрыла на детской площадке под замок. Кинула ему туда мячик, пушай развлекается!

Глянул я на него – дело дрянь! Кобель здоровый вымахал, а яиц-то нет!

Тётка бабкам жалится:

– Мой Тайсочка неделю назад не то что-то скушал, облевался. Пришлось к ветеринару вести. Теперь вот уколы ему колем для профилактики. А ещё мы третью прививку сделали, и таблетку за тыщу рублей ему купила. Съест раз в год, и все блохи, глисты сразу сдохнут, и ни один клещ не прилипится!

«Ой, – думаю, – беда! Что тут скажешь? Люди! Никаких мозгов у них не разумеется! Что за собака без блох? Загубили пса! На корню загубили!»

Убёг я подальше, чтобы не видеть, как малец мой не живёт, а мается.

Никак им не понять, что собака у человека свободу кра-

дёт, а человек у собаки волю. И попадают оба в рабство. Пси-не расплата – вечная верность, а человеку – украденное время. Оба друг дружку выпьют и останутся ни с чем.

– Как это, дедушка Цыган? Разве найти себе хозяина – не счастье для собаки?

– Да какое ж это счастье? Самообман!

Помнится, в одну зиму загрузил чавой-то. Будку вспомнил, Сашку-электрика. Детей евоных, что в дом меня мальцом таскали на диванах тиливизеры смотреть. А зима в тот год холодная, ох, какая жгучая! Аж жалко себя стало! Всё, думаю, остепениться пора! Хозяин мне нужен. Пушай заботится!

И жизнь исполнила желание! Попался я одной такой в сезон разбитой любви. Грустила по кому-то. Что она во мне нашла? Говорит, на Барона её похож из детства, который от чумки издох.

Притащила меня в дом и давай уваживать! Мыть, сушить, блох долой, ошейник кожаный, всё, как у породистых! Утром-вечером – стул по расписанию. Днём кукуй, жди её с работы! Потом ублажай: сидеть, лежать, лапу. Старался я, и она старалась оскала моего не пугаться. Подруги-други звали в гости – нельзя! Барон один дома. Ей бы жить и жить, а она не может! Расписание не позволяет. Ведь у неё две заботы: коробочка да я.

– Какая, дед, коробочка?

– Да телефон – эбонитовый друг. Люди смотрят в него

днём и ночью, как замороженные, теряют себя. Вот и я для неё вроде той коробочки стал.

Дни напролёт маялась, проваливаясь то в телефон, то в обязанности накормить, вычесать, выгулять.

– Ну, думаю! Спасать девку надо! Воруем время друг у друга, а жизнь-то мимо! Хорошая была страдальица, заботливая страсть какая! Не мог я и дальше использовать её, да и убёг, куда ветер понёс!

Вот с тех пор я и один.

– Ты не один, Цыган! Ты с нами!

– С вами, с вами! Эх, братва! Счастливый я пёс! Ни о чём не жалею!

А тебе, Жук, так скажу: беги, куда тянет! Не бойся жизни! Не прячься от неё!

Знаете, что, ребята? Не хочу я подыхать, маясь животом. Негоже это! Пойду-ка поиграю с костлявой в последний раз! Бывайте!

Вылез Цыган из теплотрассы и поплёлся к ближайшему шоссе.

Ночь. Луна. Иней на деревьях блестит. Зрачки сверкают. Тело дрожит. Полон страха и благоговения. Вот на холме показались яркие огни смерти. Собрал пёс остаток сил и пустился навстречу. Слепила смерть фарами, размозжила колесом, и «покатились глаза собачьи золотыми звёздами в снег».¹

¹ Цитата из стихотворения С.А. Есенина «Песнь о собаке», 1915.

Обложка была создана при использовании ИИ Dream.

Найти автора в соцсетях можно по ссылке:

https://vk.com/lami_danibur

Страница автора на Литрес:

<https://www.litres.ru/author/lami-danibur/>